

Гала 18+ зрютова

Лонг-лист
Международной
литературной
премии имени
В.П. Крапивина

П
Ы
Л
И

От автора
экранизированной
повести "Страна Саша",
повести "Страна Женя"
и романа "Выбор воды"

18+

Н
Е

Б
О
Й
С
Я

Художник
Юлия Узрютова

Гала Узрютова

Пыли не бойся

«Издательские решения»

Узрютова Г.

Пыли не бойся / Г. Узрютова — «Издательские решения»,

Новая повесть от автора экранизированной истории «Страна Саша», повести «Страна Женя» и романа «Выбор воды». У подкаста 17-летней Эли — миллионы подписчиков, но её друзья — это цветы и деревья из Атласа растений. Из-за тревожности Эля ни разу не появлялась на публике, но ей пришлось выйти из дома. Найдёт ли она ответ на главный вопрос, озвученный её попутчиком: каково это в 17 лет уже иметь всё, а впереди — ещё целая жизнь? Повествование ведется от двух лиц, пока не появляется третье.

© Узрютова Г.

© Издательские решения

Содержание

Повесть «Пыли не бойся» (18+)	6
Гала Узрютова	8
КАССИР	20
РИТА	21
ОХРАННИК	22
РИТА	23
ОХРАННИК	24
КАССИР	25
ОХРАННИК	26
КАССИР	27
ОХРАННИК	28
РИТА	29
КАССИР	30
РИТА	31
КАССИР	32
ОХРАННИК	33
ЧЕЛОВЕК ИЗ ОЧЕРЕДИ	34
КАССИР	35
РИТА	36
КАССИР	37
РИТА	38
ОХРАННИК	39
РИТА	40
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Пыли не бойся

Гала Узрютова

Иллюстратор Юлия Узрютова

© Гала Узрютова, 2026

© Юлия Узрютова, иллюстрации, 2026

ISBN 978-5-0071-2802-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Повесть «Пыли не бойся» (18+)

Повесть вошла в лонг-лист Международной детской литературной премии им. Владислава Петровича Крапивина (2023)

У подкаста 17-летней Эли — миллионы подписчиков, но у нее самой — ни одного друга. Из-за высокой тревожности она боится показывать лицо и ни разу не появлялась на публике. У ее дома дежурят папарацци, а слушатели забрасывают ее вопросами: когда она вернется в подкаст и почему скрывает внешность? Что если Эля вдруг больше не сможет сказать ни слова перед микрофоном? В своем подкасте Эля даёт мудрые ответы на вопросы подростков, но на вопросы о своей жизни у нее ни одного ответа нет.

Её друзья — это цветы и деревья из Атласа растений. Почему и на новом месте, куда сбежала Эля, у неё не получается ни устроиться на работу, ни построить отношения, ни найти друзей? Кто этот аноним, бегающий за ней с фотокамерой в новом городе? Найдёт ли она ответ на главный вопрос, озвученный её случайным попутчиком: каково это в семнадцать лет уже иметь все, а впереди — ещё целая жизнь?

Повествование ведется от двух лиц, пока в конце не появляется лицо третье.

Автор

Гала Узрютова — российский поэт, прозаик, драматург, сценарист, автор междисциплинарных арт-проектов, фотопроектов. Автор книг: «Выбор воды» (Редакция Елены Шубиной); «Обернулся, а там — лес» (Русский Гулливер); «Снег, который я пропустил» (Booksptor); «All the names are occupied, but one is vacant» (РТР, Canada); «Страна Саша» (КомпасГид); «Я с вами не разговариваю, или Страна Женя» (Абрикобукс).

Лауреат Международной литературной премии им. И. А. Гончарова 2025; лонглистер Национальной литературной премии «Большая книга 2023»; лауреат российско-итальянской литературной премии «Радуга» (Верона, 2019); международных конкурсов Eurodram 2018 и Badenweiler 2016; премии интеллектуальной прозы Booksptor 2018; премии им. Н. Н. Благова (2016); спецпремии «Русского Гулливера 2014» и др.

Премьера фильма по повести «Страна Саша» состоялась на Международном Берлинском кинофестивале в 2022 году. В 2023 году повесть в переводе Кан Вангу вышла в Южной Корее, в издательстве Sunest. Повесть «Я с вами не разговариваю, или Страна Женя» вошла в топ-лист ярмарки Non/fiction 2025 по направлению «Особое детство» (от Совета по детской книге), включена в список российских номинантов в Коллекцию IBBY выдающихся книг для детей и подростков с ограниченными возможностями здоровья — 2027.

Работала в писательских резиденциях в Вентспилсе, Любляне, Владивостоке, в Переделкине, в онлайн-резиденциях в Нанкине и Мельбурне. Тексты переводились на немецкий, английский, словенский, латышский, литовский, итальянский, корейский, китайский и другие языки.

Художник

Юлия Узрютова — художник, иллюстратор, культуролог, журналист, создатель и преподаватель авторских мастер-классов «Рисуем город по памяти», исследователь городской среды. Сфера интересов — иллюстрация, междисциплинарные арт-проекты, сосредоточенные на городской среде и рассказывающие о повседневной жизни, архитектуре, природе. Иллюстратор книг «Я с вами не разговариваю, или Страна Женя» (Гала Узрютова, издательство «Абрикобукс»), «Фрегат „Паллада“» (Иван Гончаров, Российский фонд культуры).

Основатель ВК-сообщества «Нарисованный Ульяновск. Городской дневник», автор сувениров и акварельных картин, посвящённых городам мира. Автор проектов «Последние динозавры эпохи», «Волжский свей», «Истории старого города», «Виртуальная карта Симбирска-Ульяновска» на платформе IZI.TRAVEL и др. Лауреат премии в области историографии и литературного творчества «Шапка Мономаха». Участник выставок в Музее современного искусства «Эрарта» (Санкт-Петербург), галерее «АРТ-МУЗА» (Санкт-Петербург), выставки в рамках Международного фестиваля комиксов в Ангулеме (Франция), выставки-презентации городов литературы ЮНЕСКО в Рейкьявике и др.

Персональные выставки проходили в Государственной галерее А. А. Пластова, Музее-заповеднике «Родина В. И. Ленина», в городском пространстве — в Музее наличников под открытым небом во Владимирском саду, на остановках и в кафе города Ульяновска.

© Тексты Узрютова Г. А. 2022—2023

© Иллюстрация Узрютова Ю. А. 2023, 2026

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав. Охраняется законом РФ об авторском праве.

Гала Узрютова **ПЫЛИ НЕ БОЙСЯ (18+)**

К семнадцати годам я заработала
сто десять миллионов рублей,
пять миллионов подписчиков подкаста,
пустой дом в двести пятьдесят квадратов,
апатию и
жуткую тревожность.
Слишком большой багаж для
того, кто весит сорок семь килограммов,
не находите?
И не надо душить мне, что
с возрастом все наладится.
Молчи, весь мир.
Молчи, большая моя планета.
Я надевала тысячи разных
платьев и брюк,
выбрасывала миллионы
платьев и брюк.
Они линяют, мнутя —
Боже, как они похожи на своих хозяев.
Сморщенная пожелтевшая кожа,
от которой все отворачиваются.
Люди хотят молодости,
хотят бодрого красивого шага.
Как мой сосед,
который каждое утро выходит голый
на веранду и занимается йогой.
Рядом ходит его павлин,
хвост которого похож
на переливающийся под
солнцем веер.
Носорожья кожа соседа
совсем не сочетается с плавностью
асан,
но он занимается с закрытыми глазами
и этого не видит.
Зато вижу я, реально вижу.
Как его сухая кожа
трескается от движения,
как она молча стареет.
Хотя будит иногда по ночам
своим этим сухим шорохом.
Безумный сухой шорох.
Не знаю,
есть ли он на самом деле

или я просто негативлю,
но шорох этот слышу даже
в своем доме.
Я уезжала в страну за страной,
переезжала из города в город,
но всегда возвращалась.
В каждой стране,
в каждом городе — одно и то же,
одни и те же.
Радость была одна —
мой голос там никто не узнавал.
Можно было говорить,
с кем угодно, не меняя
тона и темпа.
И эти выматывающие
джетлаги, джетлаги, джетлаги.
Заказываю еду в номер
и снова заваливаюсь дрыхнуть,
вместо того,
чтобы гулять по городу.
Просыпаюсь — ем остывшую еду
и снова на кровать.
Ненавижу собирать чемодан,
хуже того — разбирать.
Пару раз я даже выбрасывала
на помойку
закрытый чемодан с вещами,
когда возвращалась домой.
Надо было делать это до посадки
на рейс, зачем тащить все эти
грязные трусы и рубашки обратно.
Больше ничего в миллионах стран
я не нашла.
Хотя в одном кафе Лагуша
эспрессо делают так, как нигде.
Они реально как будто смешивают его
с переваливающимся океаном,
с его прохладой и силой.
Туда бы я вернулась —
к этому океану.
Но я ложусь на грязное дно
пустого бассейна у дома
и делаю вид,
что лежу на воде.
Делаю вид, что живу.
Снова и снова возвращаюсь
в свой дом,
больше похожий на
закрытую посылку,

которую аноним оставил на крыльце.
Что в ней — не знаю,
открывать страшно,
реально страшно.
Смотрю на лес с веранды
гигантского дома и
никого там не вижу.
Лес не также пуст,
как мой дом,
но я там никого не вижу.
Ни зайти в этот лес,
ни выйти.
Смотреть и
представлять десятки
снующих под деревьями жизней —
шевелиющихся,
громких,
пахнущих мокрой травой,
гладких и шершавых.
Илья — брат-мозговед сказал мне
не смотреть в лес по вечерам.
Если уж тебе хочется смотреть в лес
(чего я бы тебе не советовал
в твоём состоянии),
смотри в него по утрам.
Я смотрю только утром,
в лес я смотрю только утром.
С этой веранды он кажется
таким же пустым, как
мой дом.
Таким же проветренным,
осыпающимся и гудящим.
Лестницы осыпаются и
разветриваются.
Полки падают и
крошатся.
Из гардеробной
несет сыростью и
темнотой, даже
когда включаю там свет.
Я еще могу трогать книги,
но и они разваливаются,
как только открываю их.
Еще могу нажимать
выключатели,
но почти все лампы в доме
перегорели.
Понятия не имею,
как их менять.

Эти маленькие светящиеся
кнопки в потолке и на стенах.
Кто их придумал?
В квартире, где я жила
в детстве, все было просто.
Если лампа перегорала,
можно было выкрутить ее
и вкрутить другую.
По часовой стрелке.
А эти — понатыканы,
как вдавленные кнопки,
которые всегда нажаты.
Но я нажимаю, а света нет.
Другую —
света — нет.
Осталась одна лампа —
в ванной.
В такой дом электрика не приглашают —
это как запустить человека
гулять по твоим кишкам.
Чего ему копать
в твоих нутрях,
затыкать нос от всего того,
что ты сожрала за всю жизнь.
В такой дом никого не приглашают —
никто не знает,
как в нем жить.
Как в нем оставаться.
Как просыпаться,
щелкать выключателем и
снова вспоминать,
что все лампы перегорели.
Говорить отцу по телефону,
что все в порядке,
что я справляюсь с таким большим домом.
Что лучше меня никто не справляется.
Наши разговоры с отцом
примерно такие.

— Алле? Да, моя Элечка. Да, моя любимая! А я тут в аэропорту, лечу защищать очередного мудака.

— Опять какая-то дива развела мажора на бабки, и он хочет, чтобы ты все вернул?

— Круче! Дива проводила мастер-классы, как разводить мажоров на бабки, чтобы он ничего не смог вернуть, и хочет, чтобы я вернул ей бабки, которые требуют вернуть покупатели ее семинаров, потому как схемы гнилые, и ни один мажор на эти мутки не ведется. Ты ела?

— Ела, — говорю я отцу и смотрю на пол в скорлупе.

— Опять траву жуешь?

— Пап, нормально я питаюсь! — руки дрожат от энергетика, а еще от него я рыгаю, громко рыгаю, но за шумом аэропорта отец этого не слышит.

— Эй, все в порядке там у тебя? А то мне скоро на посадку.

— В полном порядке, — отдираю скорлупу от ступни, которая в крови, и подставляю ее под струю воды в раковине на кухне.

— Так ты чего звонила? Всё, мне пора! Бегу на досмотр, перезвоню!

Говорить маме,
что у меня
все в порядке.

— Неделю до тебя дозвониться не могу. Тут это... Мам, я реально не знаю, что со мной такое. Понимаешь...

— Слушай, избавь меня от этих тонкостей, а? С этими соплями — к твоему брату-психологу, а не ко мне. Я же тебе не рассказываю про свой климакс. Ты мне лучше скажи, ты деньги мне перевела? Хочу виллу снять — побольше. Мужика нашла, тесно стало. Не чета твоему отцу. Я до развода и не знала, что такое мужик!

Что благодаря подкасту
рекламные контракты идут
один за другим,
и я зарабатываю
один миллион за другим.
Что меня хотят сделать лицом
бренда молодежной одежды,
но я отказываюсь,
потому что лица моего никто видеть не должен.

Что вокруг —
сплошь хорошие соседи,
которые чилят на своих
роскошных верандах.
Сплошь добрые
приятные люди.
Доброе утро, чудесный сегодня день.
И не говорите,
лучше не бывает, реально.

Открывать жалюзи,
чтобы свет проредил темноту —
хотя бы в гостиной и на кухне.
Дальше уже не дотянется.
Закрывать жалюзи,
когда снова замечаешь папарацци
за своим забором.
Разбивать яйцо о каменную столешницу,
смотреть, как скорлупа падает
на вчерашнюю скорлупу.
Под ногами эта скорлупа,
уже почти закрывшая пол,
шуршит все громче.
Она впирается в мои босые ступни
и затихает.

Они спрашивают:
когда?
Когда выйдет твой новый подкаст?
Куда ты делась?
Почему уже месяц не записываешь подкаст?
Почему ты не показываешь свое лицо?
Когда выйдет новый выпуск?
Когда?
Когда?
Когда?
Никогда не отвечайте на вопрос,
начинающийся со слова «когда».
Это ловушка.
Сначала они узнают «когда»,
затем перейдут на «кто», «где» и «что»,
а потом и вовсе доберутся до «зачем».
Прижмут тебя к стенке,
вомнут в нее,
как ту перегоревшую лампочку.
Не будешь светить — просто разобьют
и вставят другую.
Иду на холодную веранду и смотрю в лес.
Даже вечером и
ночью.
Все совсем не так, как говорили в школе.
Все совсем не так, как говорит мне отец.
Все совсем не так, как пишут в учебниках и книгах.
Все совсем не так, как считает мой брат-мозговед Илья.

— Ты себя видела? Синяки под глазами, — обнимает он меня.

Зачем он носит такие узкие брюки?
Реально, как он в них помещается?
Брат позвал
протестировать свой кабинет.
Только открыл
его в большой офисной башне.
Брата можно слушать хотя бы потому,
что он не задает вопрос «Когда?»
Слушает и
делает выводы.
Это овердофига надо терпения.
Я бы не смогла выслушать требуху
и одного человека.
Слушает и не видит,
как в моей правой ноге
нарастает судорога.
Как она крепнет и рвется наружу.
Как сжимает меня,

крутит мной,
выворачивает.
Замечает только тогда,
когда я кричу.

— Всё в порядке, — говорит Илья.

Всё в порядке, повторяет он,
пока я массирую ногу.
Мой мир, мой большой мир,
люди так устали.
Посмотри на нас и скажи,
нужны ли мы кому-то?
Смотрит ли кто-то на нас,
улыбается ли нам?
Украдкой трогает нашу кожу?
Немолодую?
Рад узнавать наш запах?
О мир, мой большой мир,
спрячь меня и молчи.
В кабинете Ильи я должна была
изображать пациентку мозговеда,
чтобы понять,
все ли здесь удобно
для клиентов,
комфортно ли пациентам
рассказывать психологу,
кого он ненавидит
и почему во всех
своих неудачах винит
родителей
вместо того,
чтобы самому разобраться со своей жизнью.
Никогда не доверяла мозговедам,
но если уж твой брат
и есть мозговед,
приходится ему
подыгрывать.

— Ну, как тебе тут? — Илья подвел меня к новому креслу напротив стола психолога и усадил в него. — Главное — это кресло! Проверь, удобно ли будет клиентам сидеть?

Я принимала позы пациентов,
какими они мне представлялись,
но все время проваливалась.

— Это кресло реально засасывает. Сядь в него один раз, и завязнешь здесь надолго. Твои клиенты будут думать, что никогда не выберутся из своих проблем. И потом — видишь, ноги висят? Нужен какой-то пуф или типа того.

Пациенты с короткими
ногами могут не дожидаться
опоры и половину
сеанса искать пол
ступнями.
Но главный вопрос
у меня был к этому тренажеру
для верховой езды.
Мечта брата №5 в его списке
из 135 мечт — научиться
ездить верхом на лошади.
Вот и подарила ему
на день рождения этот тренажер,
но не думала,
что он притащит его сюда.
Такие вещи должны
стоять дома,
в темной спальне — они
выдают о тебе
слишком много информации,
особенно если ты мозговед.
Брат скакал верхом
на воображаемом жеребце,
пытаясь вставить слова.

— Когда тебе на днюху дарила этого коня, не думала, что ты его сюда притащишь.

— Это держит меня в тонусе. Так почему ты больше не можешь вести свой подкаст? Там же пять миллионов подписчиков, самый популярный в стране!

— Не знаю. Раньше было просто, реально, а теперь — не хочу и все.

— Должна быть какая-то причина. Вела-вела три года подкаст и вдруг прекратила. Просто так такие вещи не происходят.

— Мне всё это оверсайз, понимаешь? Мне такая жизнь слишком велика. Надела то, что мне не по размеру.

— С чего ты это решила?

— Зачем это все, если я своим подкастом не могу изменить мир? Если врач перестанет делать операции, миру конец. А если я перестану вести подкаст — ничего не изменится. Что может быть нового в моем подкасте? Все это уже говорили тысячи раз, и я просто повторяю.

— Не обесценивай себя. Твой подкаст так много слушают как раз потому, что тебе есть, что сказать. Ты необычная. Ты вроде как подросток, а рассуждаешь, как взрослая. Если бы все то же самое подросткам говорили взрослые, они бы не слушали, так ведь?

В соседнем офисе стоматологии
задробила бормашина.
Илья вскочил с тренажера и
помчался на звук,
шум бормашины затих.
Я наконец-то выбралась
из кресла и села на тренажер брата.

Удержаться непросто,
но что-то в этом реально есть.
Лишь бы не укачало.

— Сколько раз я просил вас! У меня пациенты, они не смогут ничего мне рассказать при таком шуме! — орал Илья.

— И у меня — пациенты! — кричала стоматолог.
— Сравнила! Заплатки на зубы ставить и души врачевать!
— Эй ты, мозгоклюй, кем ты себя возомнил?!
— Мои пациенты имеют право на тишину!
— Да ты сам пациент, посмотри на себя!

Снова шум бормашины,
за которыми крики уже не разобрать.
Илья вернулся в кабинет, вдарил дверью
и бросился в кресло.

— Она у меня узнает! Мозгоклюй! Я заставлю ее съехать отсюда! — дурил он, пока кресло засасывало его, как песок в пустыне. — Да, кресло надо менять.

Я качалась на тренажере и
смотрела комменты в телефоне.

— Хейтеров так и бомбит: строчат, что типа подкаст ведет не подросток, а какая-то старуха. Косит типа под тина, меняет голос, поэтому и лицо не показывает.

— Хейтеры — это хорошо для продвижения.
— Но плохо для моей психики.

— Похоже, у тебя выгорание. Экспериментируй! Начни вести влог, а не подкаст, — Илья пытается выбраться из кресла, но оно не отпускает.

— Илья, влог — это открыть лицо. А, значит, открыть доступ всех ко мне. Кстати, папарацци опять терлись у моего дома, прикинь? Вроде не успели сфоткать. Все хотят видеть мое лицо, они помешались просто! Пришлось выходить через задний выход.

Брат выбрался из кресла
и принялся вытирать пыль с полок.

— Фромм говорил, что невротические симптомы могут появляться из-за неразрешённых моральных конфликтов.

— Типа меня совесть жрет за то, что у меня столько бабла и такой огромный дом? Что я это все не заслужила? Один сайт, кстати, предложил лям за интервью со мной, если я покажу лицо. Хотят сделать фотосессию. А тот бренд опять просит, чтобы я стала лицом их молодёжной марки.

— Ты что — отказалась?

— Не могу я показывать лицо, только моя тревожность стала проходить, а так у меня реально снова начнутся панические атаки. Вдруг я сделаю что-то неправильно.

— Ты не обязана делать все правильно, ты просто человек.

Я все-таки не удержала равновесие
и упала с тренажера.

— Я блогер. А это овердофига хуже.

— Тебе надо больше общаться. Найди друзей, хотя бы одного. Подписчики — это не друзья, — брат помог мне подняться.

— У меня есть друг. Тимур.

— Тимур — не друг. Тимур — твой менеджер. Поступи в универ, познакомишься там с кем-нибудь.

— Я поступила.

— И даже мне не сказала? На кого?

— На заочку. Ботанику изучаю.

— С растениями не поговоришь и в кино не сходишь.

— Растения гораздо адекватнее людей, — я достала Атлас растений из рюкзака.

— Так и будешь всю жизнь за Атласом растений прятаться? Рано или поздно придется показать свое лицо, — Илья взял мой Атлас и открыл его наугад. — Посмотрим, что тут у тебя. Так-так. Дейция — многолетнее древесное растение, семейство гортензиевых. Длительное обильное цветение, но у цветков нет запаха. Эля, это же ты! Цветок который не пахнет. Посмотри на себя! Всего семнадцать, а ты как будто уже жизнь прожила! Спину согнула, синяки под глазами. Тебе надо выйти, наконец, из дома и сменить обстановку. И найди друзей. Хотя бы одного.

Но я меняла обстановку,
меняла дома,
смотрела дома —
меня тошнит от всех домов,
от всех квартир.
Маленьких и больших,
с балконом и без,
с отделкой и без,
с видом на море и окнами во двор.
Все в порядке, Эля, повторяет он и
настаивает,
чтобы я вышла из дома.
Из дома, в котором есть все,
кроме того, что мне нужно.
Чтобы сделала хоть какое-то движение.
Все равно же, лампочка в ванной
перегорела, говорит он.
Последняя лампочка в доме.
В студию с микрофоном
я даже не заглядываю.
Не могу туда заходить.
Там слишком тихо,
нет моего голоса.
Микрофон опустил голову,
надо хотя бы прикрыть его
от пыли.
Я взяла полотенце
и хотела зайти
в студию,

но остановилась в дверях.
Здесь был солнечный свет,
и пыль в нем стала заметнее.
Когда я накрыла микрофон полотенцем,
он не ответил.
Дом выгоняет меня наружу, как и
брат-мозговед.
А что, если все как раз так,
как он говорит?
Может, реально,
мне надо побыть
в другом месте?
Все думают, я счастлива,
у меня все есть,
хотят тоже все это иметь.
Но не секут, что у меня ничего нет,
кроме этого микрофона.
Единственного микрофона.

К сорока девяти я заработала какое-никакое имя в мире гончарного дела, долги и геморрой. В принципе, мне хватает, но своя хата бы не помешала. И хорошая старая бэха, чтобы по часу не ждать автобус каждый раз, когда надо выбраться из этой мокрой дыры и забраться на гору. Когда ждешь автобус, слишком много думаешь. Сначала о том, как холодно, как ужасно холодно даже в апреле. А дальше валит самый нудяк — думаешь о себе, о том, что негде и не с кем жить (вот о чем думать не надо никогда). Как только начинается это, кончается все остальное: нормальная жизнь (что, блин, это вообще такое — «нормальная жизнь»?), сухие ботинки (через дырку на подошве все идет на стопу) и тачилы на трассе, которые могли бы подкинуть. И эти повторяющиеся вопросы: «Почему ты всегда отказываешься от помощи?» Но самый треш — это возвращаться. Кажется, вернешься в другое место, а возвращаешься — в то же самое, вот в чем дело. Та же река, та же обшарпанная яхта в порту, тот же цемзавод пылит на воду, та же вонючая не стиранная сто лет постель. Тот же холод, в котором могли бы уместиться холода всего остального мира. Впрочем, не факт, что он существует. Может, есть только этот порт, этот город на горе, куда надо взбираться, чтобы попасть в гончарную мастерскую, а все остальное — я выдумала. Как в детстве мы выдумываем крутых друзей, путешествия, которых никогда не было, или подарки, которые мы никогда не получали. Выдумала весь остальной мир, чтобы он не казался мне маленьким холодным местом в речном порту, а огромным прекрасным шаром, где откидывают одеяла посреди ночи (потому что вдруг бросило в жар (а так бывает?)), где по чистым полам ходят босиком, где посуда из летних открытых окон означает приближение обеда, где можно услышать знакомые голоса (знакомые, блин, приятные голоса). Но что если мир и есть — это маленькое холодное место под горой?

Возвращаться в него — еще полдела. Сложнее — переодеться, не успев замерзнуть. Для этого понадобится ровно пять секунд, если больше — будешь ежиться и вздрагивать. Ничего такого, чего бы я не заслужила, в этом дерьме нет, но я радуюсь каждый раз, когда у меня получается от него увернуться. Всего-то и надо — научиться ускользать от холода, остальное — тухляк. Казалось бы, всего несколько простых движений, но надо зачехляться очень быстро, чтобы холод не успел в тебе расположиться. Дальше — проще: врубаешь радио, и надеваешь второй свитер. Второй должен быть теплее первого и уж, конечно, намного толще. Надеваешь

— и не чувствуешь ледяной речной ветряк хотя бы час. Когда живешь на речной яхте с глючным обогревателем, хорошо бы занывать три сотни свитеров и расчехлять новый каждый час.

Но радио хватит и одного — лишь бы батарейка не вырубилась. Два голоса — мягкий мужской и низкий женский — захлеб перебивают друг друга, вспоминая, какие раньше были люди. Да, они так и говорят: люди раньше были не такие, другие — им все было нужно, до всего было дело. Потом они молчат, и мужской голос — тоном уже смирившимся — продолжает: а мы — все еще те же люди, или тоже — другие? Женский голос, помянув, отвечает: мне кажется (полагаю, она не уверена?), что мы — те же. Она сказала это таким тоном, как будто быть теми же — означает быть избранными. А эти — другие — сбились с пути (или натворили чего еще страшнее — изменились). Алле, народ, что с вами? Мужской голос возвращается. Вместе с женским они все громче и громче убеждают друг друга, что они-то точно — те же, они еще держатся, как сваи из сибирской лиственницы, и как бы вода не изменила направление, свое русло не бросят.

Пока они убеждали друг друга и дозвонившегося до них беднягу с тихим голосом, заикнувшегося было про движение и прогресс, что они — те самые и есть, я успела заварить бэпешку и скипятить чайник. Ждала срача, но тихоня сдулся. Порезала лук в селедку (жирная, как я люблю) и разложила стол. Хотелось колбасы, но не получилось сегодня в супермаркете. Ушлый у них охранник. Не врублю, почему у тех сопляков получилось вынести батончики, а у меня колбасу — нет? Тот же охранник. Тот же магазин. Какая-то пьеса «Колбаса» получилась.

КАССИР

Пакет нужен?

РИТА

Нет.

ОХРАННИК

Пакет женщине понадобится, в ее рюкзак не *всё* поместится.

РИТА

Почему же? *Всё* как раз помещается.

ОХРАННИК

А колбаса?

КАССИР

Какая колбаса? Я колбасу не пробила?

ОХРАННИК

Не пробил.

КАССИР

А где колбаса?

ОХРАННИК

А где — колбаса?

РИТА

Какая колбаса?

КАССИР

Я колбасу не пробивала!

РИТА

Она колбасу — не пробивала!

КАССИР

Не пробивала!

ОХРАННИК

А где — колбаса?

ЧЕЛОВЕК ИЗ ОЧЕРЕДИ

Где колбаса?

КАССИР

Да не пробивала я колбасу!

Охранник молча и долго смотрит на Риту, не моргая.

РИТА

(вынимает колбасу из внутреннего кармана куртки, бросает у кассы)
Да подавитесь вы своей колбасой!

КАССИР

А, вот она где! Колбасу пробила!

РИТА

Как пробила? Теперь возврат делайте, у меня денег нет.

ОХРАННИК

До пенсии дожила, а на колбасу денег нет.

РИТА

Какая пенсия, алле? Мне сорок девять!

Да, сноровку я потеряла.

Позвать на ужин было некого — с соседних лодок народ уже разбежался: они крутятся здесь только днем, а вечером забираются в город — на гору, и я остаюсь здесь — под горой — одна. Но ужинать с этими двумя голосами, убежденными в том, что именно они держат мир как тысячелетние черепахи, — тоже ничего. Можно подумать, что подслушал какой-то тайный заговор, который раскрыла только ты, но на всякий случай пока придерживаешь эту тайнищу. Селедка ушла быстро, а бэпешку придется завтра скормить чайкам, хотя они явно предпочли бы селедку. Пока бубнит радио, все хорошо. Надо просто не забывать менять батарейки. Голоса ушли на рекламу, а Волга завывала. Реки всегда так делают — воют и воют, даже когда отдаляешься от них. В этом вое все знакомо, кроме одного — ритма. Сегодня он был каким-то другим — сбивчивым или даже нервным (он что не слышал, что сохраняться прежним гораздо нравственнее?). Если так продолжится, придется расчехлить третий свитер.

Все поезда везут нас не туда,
куда мы хотим,
а туда, куда
направляют их рельсы.
Только кажется,
что приедешь в место,
которое изменит твою жизнь.
В реале
просто приезжаешь
на жд станцию очередного
города, где все так же,
как и сто лет назад,
как и тысячи лет назад.
За это мой дед любил трамваи —
они не могли свернуть с рельсов.
За это я не люблю поезда.
Может быть много причин
сесть в поезд, кроме одной —
увидеть что-то новое.
Те же мятые лица,
которые сели в поезд
в надежде на новое.
Новое место работы.
Новый город.
Новая встреча.
Но изо дня в день они садятся
в одни и те же поезда,
чтобы приезжать

в одни и те же места.
Я смотрела в окно и
не видела за ним ничего
другого, только это —
безлюдность.
Ехала из одного места, полного людей,
в другое — полное людей.
А между ними — безлюдность.
Земле надо сохранять такие
пустые расстояния,
чтобы люди не захламили их
торговыми центрами и мусором.
Напротив меня сидел парень в ушах,
«теннис» на башке.
Заговори он со мной тогда,
может, чего бы и вышло.
Но он молчал и копался в телефоне.
Еле уместил длинные ноги перед креслом,
показывая свои нью бэланс.
На меня не падал
ни один его взгляд.
Глаза его — большие, карие — бегали за окно,
по вагону, по пустому соседнему
креслу, по проходу — по всему,
кроме меня.
То ли я не подходила под его
саундтрек в ушах.
То ли ему было на меня пофиг.
Еще месяц назад я бы
развернула в своем подкасте
целый тред на эту тему,
а теперь от одной мысли
об эфире меня выворачивало.
Нечего мой голос
слушать миллионам.
Мой голос — только мой голос.
И никто не должен иметь к нему доступ.
Еще один лям прослушиваний —
и мой голос исчезнет,
как пропадает за окном поезда
деревня, которую я даже
не успеваю запомнить.
Чем ближе к Волге,
тем больше мостов.
Парень напротив пересаживается к окну
и прибавляет громкость,
но поезд говорит громче.
Я даже не расслышала вопрос проводницы,
и она повторила его.

Нет, кофе я не хочу.

— Нет ли у вас цикория?

Она посмотрела на меня
как на пенсионерку,
спрятала колу в карман и ушла.
А что мне делать,
если от кофе у меня трясутся руки?
Всю оставшуюся дорогу проводница
с толстой длинной косой
предлагала мне журналы про вязание,
сканворды и тапочки.

Ору!

Спасибо, что не зубные протезы.
Хотя, мне всегда интереснее
говорить с пенсионерами,
чем с такими, как я.
По крайней мере, старики
всегда смотрят на меня с любопытством,
а не воротят взгляд,
когда я сижу напротив.
Поезд вдруг остановился,
затормозил прямо в лесу.

— Скажите, а почему мы вдруг остановились? — спросила я проводницу.

— Это плановая остановка.

— Но ведь никто не выходит. Здесь же лес. Даже тропинки ни одной нет.

— Это техническая остановка по плану.

— А кто ее запланировал? Ну, то есть, машинист знает об этом?

— Конечно, знает, не беспокойтесь. Сканворды? Тапочки?

Наверное, я родилась не в то время.
Записывала бы подкасты на пластинки,
и люди слушали бы их на граммофонах.
Оставалось еще полдня пути,
но мне уже реально хотелось сесть в
обратный поезд.
Вернуться в дом у леса,
включить свет в ванной,
налить горячей воды и
сидеть там, наблюдая,
как яичная скорлупа с моих ног
отчаливает от кожи и пускается
в одиночное плавание.
Бедный Тимур,
ему со мной капец как трудно.
Вчера пришлось отмазывать меня
от одной аудиорекламы и двух интервью.

Сегодня — от эфира на радио.
Тимур — мой помощник,
который думал, что
устроился работать с топовым
подкастером, а попал в
темный дом замерзшей Эли,
покрывшейся скорлупой.
Если бы не Тимур,
не знаю, как бы я разрулила
все эти запросы.
Тимур вопросов не задает —
Тимур на них отвечает.
Куда ты пропала?
У тебя творческий кризис?
Слышали, ты ходишь к психологу, это правда?
Когда мы услышим твой новый подкаст?
Видите, эти «когда» снова требуют
точного ответа.
Я же говорю, с ними надо быть
настороже.
Без юриста вообще
не отвечайте на вопрос «Когда?»
Или наймите Тимура,
который уверенным голосом скажет,
что ты просто ушла в саббатикал
и у тебя все в порядке.
Я бы нахамила или выключила мобильный.
Или не отвечала бы на звонки.
Тимур всегда отвечает на звонки,
находит, что сказать и как закончить разговор,
не обидев человека.
У каждого из нас должен быть такой Тимур,
который сможет при случае
дать остроумный ответ на
тупой вопрос.
Если едете на необитаемый остров,
не берите ничего и никого — только Тимура,
тогда у вас будет все остальное.
Из моего окна видно, как
первые вагоны поезда поворачивают направо,
пока мой еще едет прямо.
Есть в этом что-то верное.
Предупреждающее.
Я даже успокоилась,
хотя меня тревожили слишком чистые
окна в вагоне.
Как будто между мной и этими
безлюдными пейзажами
ничего не было.

Никакой границы.
Я ехала наедине с ними,
и была их частью,
отчего становилось еще страшнее.
Окна в поезде должны быть
хоть немного грязными.
Батончик кончился,
я провела рукой, измазанной шоколадом,
по стеклу.
Между мной и пустым пейзажем
появилась граница,
которую я переходить не собиралась.
Парень в наушниках посмотрел
на мою руку и протянул салфетку.
Я достала свою и вытерла руку.
За стеклом между пятнами шоколада
мелькали деревья и
профнастиловые заборы.
Теперь они относились не ко мне,
а к чему-то другому —
большому и бесконечному.
Мне такого не осилить,
мне хватит одного этого вагона.
Салфетка в руках парня высохла,
и он засунул ее в карман.
Снова смотрел в окно,
и я снова перестала существовать.
Нельзя же не чувствовать, что я
за ним наблюдаю.
Значит, он намеренно меня игнорирует.
А его салфетка — это просто вежливость.
И пусть он засунет ее в задницу.
Проходившая мимо проводница
заметила пятна на стекле
и вытерла их.
Вся эта громада за окном снова
поперла на меня,
и я отвернулась к проходу.
Оно движется справа,
его холод летит по руке,
но пока я смотрю в другую сторону,
тревога отступает.
Поезд не остановится,
и нам не придется ночевать в лесу.
Мы доедем,
обязательно доедем, и то,
что за стеклом,
нам не мешает.
У него своя жизнь,

у нас — своя.
Парень в ушах повернулся к окну
и вытер слезу рукавом.
Как будто этого никто не видел,
но я заметила.
Он всматривался в стекло так,
словно хотел, чтобы оно
исчезло.
Чтобы он мог стать частью того
закононого гигантского мира,
обрести его бесконечность,
но вдруг отскочил от стекла.
Огромный кленовый лист,
залетевший в весну из
прошлой осени,
прилепился с обратной стороны окна,
чертил границу.
Парень положил мобильный с ушами
на кресло и направился в конец вагона.
Когда он закрыл дверь туалета,
я надела его уши и
тут же бросила их на кресло.
Оттуда шел мой голос.
Наполнял вагон
моими противными интонациями, всеми этими
м-м-м, хм-м-м и э-э-э.
Скоро вагон переполнится,
и пассажиров придется эвакуировать.
Как выключить этот треш?!
Я жала все кнопки подряд,
но мой голос теперь звучал еще громче —
провод ушей вылетел из мобильного.
Выпуск последнего подкаста про потери
уже слышал весь вагон,
а я все никак не могла найти,
как отключить свой голос.
Как сделать так, чтобы он замолчал,
чтобы внутри стало тихо и
мои руки не тряслись.
Лица пассажиров мелькали в проходе
один за другим.
Им хотелось понять,
кто нарушил их дорожную тишину
и когда уже проводница
примет меры.
Опять это «когда», видите?
Дверь туалета открылась,
и парень направился к своему месту.
Его бровь чуть дернулась,

когда он понял,
что весь вагон слушает то,
из-за чего он чуть не разрыдался.
Не знаю, успел ли он увидеть,
как я бросила мобильный и уши
на его кресло.
Парень вставил штекер
в телефон и повернулся к окну.
Листа на стекле уже не было.
Он снял уши и повернулся ко мне:

- Слушаешь ее подкаст?
— Чей?
— Какая-то Эля. Подкаст называется «Сентябэль».
— Дурацкое название.
— Типа сентябрь любит, она говорила.
— Это то, что сейчас на весь вагон было слышно? — я пыталась изменить голос, но у меня плохо получалось.
— Да, последний выпуск. Пропала куда-то. Говорят, чилит где-то.
— Занудная какая-то.
— Есть такое. Но я бы хотел еще раз ее услышать.
— Почему?
— Она какая-то не такая. Как из другого времени. Но как будто все про нас знает.
— А ты про нее что-то знаешь? Какая она? Кто такая?
— Никто не знает, как она выглядит. Интервью она только по почте дает или на радио — по телефону.
— Может, это вообще мужик. Изменил голос компьютерной программой и все. Чей-то проект.
— Нет, она существует.
— Откуда ты знаешь? Тогда почему она скрывается?
— Боится чего-то. Она там такие вещи рассказывает. Не хочет, наверное, чтобы ее родители слышали это или друзья. Или, может, просто маркетинг. Загадку создает — так будет больше слушателей. Хотел бы я ее увидеть.
— И что бы ты спросил?
— Ну, например, когда понимаешь, что в таком возрасте, у тебя уже все есть — тонны бабла, дофига славы, как тогда жить?

Я встала, пошла в вагон-ресторан.
Мои тонкие ноги в челси —
лапы чайки в галошах.
Бежевая зубастая подошва,
черный верх.
Челси типа уже не носят,
но мне нравятся.
Платформа дает высоту.
Не видно моего маленького роста.
Шаг кажется уверенным.
Наступаю на землю,
и она не проваливается.

Иду по вагону —
и он не проваливается,
он есть под ногами.
Как и вагон-ресторан,
где я села за стойку
и смотрела в окно.
В таких ситуациях
мне нравится
наобум открывать атлас растений
и смотреть,
какое выпало на этот раз.
Сегодня —
шелковица, или,
как называет ее моя бабушка,
тутовник.
Пишут, что
сок черной шелковицы
можно очистить с рук
соком белой.
Как интересно,
вот если бы я могла
своим молчанием
снова вернуть себе
голос и заговорить в микрофон.

В спальнике тепло — третий свитер не расчехляем. Новый темп реки нарушил все ритуалы — под старый я давно научилась подстраиваться, засыпать, но этот обвел, блин, меня вокруг волны. Выявить в нем какую-то закономерность не получалось: счет сначала телепался ровный, а потом вдруг сбивался и переходил на незнакомую песню, в которой нет ни слов, ни повторяющегося припева, ни катарсиса, что вот-вот должен был случиться, но все никак не происходил. Чашки и тарелки включились в этот ритм (алле, чашки, вы что — с рекой заодно, а как же я?). Нужно бы подняться и переставить их, но в спальнике теплынь. Звуков становилось все большее, и я уже не была уверена, что это место мое — оно теперь принадлежало шуму реки, звону глиняных чашек, буханью ветра и чего-то еще. Того, что я никак не могла различить в этом новом многоголосии. К этому шуму добавился новый. Чьи-то шаги были не уверены, что им сюда, но шаршили именно сюда. Так идут, когда ищут вход. Когда знают, что вход где-то здесь, осталось только нырнуть в него в темноте. И через несколько секунд его нашли.

Ключ в замке вертелся быстро, дверь каюты сразу открылась. Рано или поздно это должно было случиться, но почему, блин, именно сейчас, когда я лежала в этом уже горячем спальнике и почти пропала в дреме? Чтобы войти, человеку пришлось нагнуться. Темнота не давала двинуться дальше, первой пошла рука — в поисках выключателя она ерзала по стене, как будто искала спасение. К поискам подключился фонарь мобильного, в зону света которого я пока не попадала (алле, я здесь, свети уже мне в лицо, раз зашел!)

Наконец, человек догадался повернуться к другой стене и включил свет. Испуганная девчонка с зелеными глазами уставилась на меня, как на жар-птицу, и вытащила газовый баллон-

чик. Судя по тому, как тряслись ее руки, вряд ли она смогла бы его заузать, но настроена была серьезно.

— Вы кто? — ее голос трясся, как руки.
— Во-первых, я тебя не трону. Газ убери.

Она не только не убрала его, но достала еще и шокер (Бог ты мой, это новое поколение никому не верит и боится всех, кто старше тридцати). Девчонка прижалась к двери, наставив на меня шокер и газ, пока я вылезала из спальника и надевала третий свитер.

— Безоружна, успокойся, — подняла я руки. — Гамовер.

Она убрала свои доспехи в карманы, бросила рюкзак на пол и втащила еще и салатный чемодан.

Эта старая тетка в спальном мешке
была похожа на пропавшего моряка,
которого уже почти перестали искать,
но иногда вспоминают и
вызванивают,
если родственники спрашивают,
не слышать ли о нем.
Ее жирные волосы с проседью
висели, как рыбные сети.
Может, когда-то она и ловила ими
чьи-то взгляды,
но сейчас не мешало
хотя бы помыть их.
Напоминает одну из тех старых
патлатых рок-певиц,
которых любит слушать мой дед.
К чему эта малиновая бандана на голове?
К голубым глазам совсем не идет.
Огромное деревянное кольцо
на большом пальце?
Она что им — орехи колет?
Я убрала баллончик и шокер
в карманы и села на кровать.
Воняло ролтоном и луком.
Тимур спецом искал
не дом, а яхту,
чтобы если уж менять обстановку,
то реально менять.
Он нашел этот город,
где лед на Волге уже растаял
и лодки уже спустили на воду.
Сказал, что снял яхту

для меня одной,
что она пустая стоит в речном порту и
я могу жить в ней, сколько захочу.

— Я знаю, что меня здесь быть не должно, —
сказала тетка еще до того, как я успела задать вопрос. —
Ты сняла эту яхту, да? Просто хозяин сказал, что ее
давно никто не снимает, и я могу здесь жить-присматривать за ней,
когда она не в ангаре зимой.
— Да, сняла. И у меня много вопросов к хозяину.
— Он в Тайланде давно живет, а лодку сдает обычно,
но ее редко снимают. По-любому, путняк какой-то
вышла.
— По-любому, кто-то здесь нелегально живет.
— Нелегально? А сколько тебе лет, девочка? Твои родители-то
в курсе, где ты шарисься?
— Шаритесь — это вы. До пенсии дожили, а спать негде.
— Я не на пенсии, мне только сорок девять!
— Ну и вонь, — я открыла дверь, чтобы проветрить.
— Это ты зря, здесь жутко холодно.
— Это вы зря тут поселились,
потому что теперь вам придется отсюда валить.
— Слушай, я до утра останусь, ладно?
— Сюда клининг можно вызвать? Чтоб выбросили вот это вот все.
— Вот это вот все — вещи хозяина, и трогать их нельзя.
Остальное сама уберу, — она укуталась в спальный мешок. —
Здесь есть еще один спальник. Там, в ящике.

Нифига!
Пока эта душнила здесь,
меня здесь не будет!
Я забрала чемодан и пошла в порт искать такси.
Какой-то усатый мужик на старой «Ниве»
с наклейкой на заднем стекле
«В какой яме мои налоги?»
вызвался меня отвезти,
но я заказала такси.
Приехал тот же усатый
мужик на «Ниве»
и повез меня в город —
на гору.
Всю дорогу до отеля
я держалась за шокер
в кармане,
больше держаться мне
реально было не за что.
Отель был пуст,
и администратор выплеснула на меня
все свое внимание, накопившееся

за время отсутствия гостей.
Люкс был свободен,
как и все остальное в этом старом отеле.
Огромное фойе напоминало
бальный зал с давящими
хрустальными люстрами
и тяжелыми занавесками.
Хотелось скорее оказаться
в горячей ванной,
но администратор
открыла мой паспорт и
тут же его закрыла.

— Простите, но я не могу вас заселить.
Вам нет восемнадцати, а несовершеннолетних можно
заселять только при наличии нотариально заверенного
согласия одного из родителей. Приезжайте через год.
— Через год? Реально? Но у вас же пустой отель, какая разница?
— Я не имею права. Это закон.
— Послушайте, а вы знаете, что есть закон,
согласно которому в полночь пятитысячная купюра
превращается в нотариально заверенное — как вы там сказали?
Согласие одного из родителей — вот!
— Вы что — хотите меня подкупить?
Это подсудное дело.

Администратор швырнула мой паспорт на стойку
и принялась копить внимание,
которым она сможет
окатить более законопослушного клиента.
Тимур не отвечал на звонки,
и я уже не знала,
куда податься.
Что если и в других
отелях — то же самое?
Ночевать с этой луковой
теткой не хотелось,
а до утра еще долго.
Хорошо хоть яхту Тимур
снял на свое имя,
а то и оттуда меня бы поперли.
Ему двадцать пять,
и его эти проблемы
уже не волнуют.
Остается торчать
в этом пафосном фойе
и ждать утра.
Я забралась на широкий
подоконник над батареей

и затащила туда чемодан.
Неплохая получалась кровать.
Не знаю, происходит ли
здесь ночью что-то
за окном,
но оно смотрит на центральную улицу.
Старые здания надолго
заняли свои места.
Они разбухли от времени и
осели — вместе с жильцами, обоями
и вещами.
Никогда не понимала, как можно
жить в доме, где до тебя кто-то жил.
Как будто подселяешься к кому-то
и никогда не бываешь одна.
Я всегда выбирала только что построенные
дома и квартиры,
и заходила туда первая, как кот.
С другой стороны, если бы все
селились только в новых домах,
куда девать старые?
Их же овердофига, на планете
не осталось бы места.
Жутко представить —
по всей земле стоят
пустые старые дома,
в которых уже никто не живет.
Они зарастают травой,
плесенью и странным шумом.
Теперь в них живут уличные коты
и собаки.
И куча насекомых, которые
наконец-то получили парадный доступ в квартиры
и могут больше не протискиваться сквозь щели
с черного входа.
Прохожие, идущие
по центральной улице,
поворачивают головы
на огромные огни отеля,
думают, что внутри все хорошо.
Внутри отелей всегда все хорошо.
Приятно думать, что в мире
есть места, где все хорошо,
пусть даже это совсем не так.

— Вы что — собираетесь лежать тут всю ночь? —
возникла у окна администратор. На лице ее
не было и щепотки того внимания, которое
она обрушила на меня в начале. — Прошу вас

покинуть отель.

— Прошу вас показать мне закон, по которому
несовершеннолетние не могут находиться
в фойе отеля без нотариально заверенного
согласия одного из родителей.

Администратор поджала губы
и вернулась за стойку.
Она протерла пыль,
повозилась с бумагами,
полила цветы в фойе,
выпила воды из кулера,
подмела вокруг стойки,
добавила конфет в стеклянную чашу,
долго говорила по телефону,
называя кого-то «попугайчиком»,
выпила кофе,
расчесала волосы,
собрала их в хвост,
подмела волосы,
закрыла дверцу шкафа,
закрепила штору в
держателе соседнего окна,
посмотрела на меня,
я притворилась, что сплю,
ответила на звонок и
рассказала о скидках
на стандартные номера,
перевесила плакат
с сезонной акцией
с одной колонны на другую,
протерла стекла входной двери,
выпила еще воды из кулера,
съела три конфеты из стеклянной чаши,
погладила и покормила серого кота,
который запрыгнул на соседний подоконник,
ушла минут на пятнадцать,
и пока ее не было,
телефон на ресепшине
звонил три раза,
отказалась заселить мужчину,
пришедшего без паспорта,
сказала, что вызовет полицию,
если он будет настаивать,
опять посмотрела на меня,
и я опять притворилась, что сплю,
снова куда-то ушла и вернулась
с бутербродом,
судя по запаху,

с рыбой,
выключила верхний свет,
включила вторую лампу над ресепшеном,
позвонила «попугайчику»
и извинялась, что его разбудила,
сняла туфли на шпильках
и надела балетки,
распустила волосы,
сняла пиджак,
села в кресло и закинула ноги
на пуф,
задремала и захрапела так,
что проснулся кот на соседнем окне,
посмотрела на меня,
взяла кота и задремала с ним на кресле.
Я снова повернулась лицом к центральной
улице, где
уже совсем никого не было.
В супермаркете напротив погас свет,
и три сотрудницы вышли из магазина.
Усталость в их походках
была какой-то бесконечной.
Она не прекратится утром,
а будет длиться еще несколько дней,
и, может быть, недель или лет.
Не знаю, ту же усталость я чувствую,
лежа здесь, на подоконнике,
или это совсем другое.
Мама говорит,
что я пропускаю свою молодость
и не наслаждаюсь жизнью.
Отец, когда у меня получается дозвониться
в перерывах между его взлетами и посадками, —
что мне надо чем-то заняться,
кроме подкаста.
Брат-мозговед — что мне надо сменить обстановку.
Но ничего из этого нифига не помогает.
Я как будто падаю все ниже и ниже,
и не могу ни за что схватиться,
чтобы это застопить.
Но усталость от мыслей по кругу —
хорошее снотворное,
даже если оказываешься на
чужом подоконнике.
Утром я проснулась оттого,
что по мне ходил кот.
Точнее, по одеялу,
которым меня кто-то ночью укрыл.
На центральной улице

прохожих стало больше.
Ее как будто снова открыли для
пешеходного движения.
Администратор принесла мне чая
(цикория у них не оказалось)
и сказала,
что лучше бы мне убраться,
через час придет директор.

— Моей дочери пятнадцать, — сказала она мне,
протягивая печенье, пока я пила чай. — И не хотела бы я,
чтобы директор какого-то отеля взял ее за шкирку и дал
пинок под зад посреди ночи.

Она забрала одеяло,
сложила его,
убрала в шкаф,
сняла балетки,
надела шпильки, пиджак
и собрала высокий хвост.
Ее смена заканчивалась,
скоро можно будет пойти
домой, встать под душ и
надеть одежду,
которая не жмет.
Ее не будет тошнить от дома,
ей будет там хорошо.
Все лампочки горят и
подчиняются выключателю.
На кухне не валяется скорлупа,
напротив — стоит такой же дом,
а не лес.
После обеда дочь вернется
с учебы, и они сядут обедать.
Хотя бы раз в день должна быть горячая пища.
Пища.
Пища.
Слово, похожее на мокрый песок,
быстро сохнувший в жаркую погоду.
Она помоеет полы,
она часто моет полы.
Наверное, в детстве любила, когда
выпадал снег и прятал под собой всю грязь.
Или потому что в квартире кот.
Вечером прилетит «попугайчик»,
и ей придется снова надеть туфли на шпильках.
Они жмут,
у дочери ноги — на размер меньше.
Когда стемнеет,

центральная улица снова закрывается
для пешеходов,
и на большие огни отеля некому будет смотреть.
Разве что сотрудникам супермаркета,
запирающим двери после
ночной смены.
Я взяла чемодан и вышла из отеля.

Рано или поздно меня бы отсюда поперли — дело ясное, но лучше бы поздно, чем сейчас. Выбор теперь херовый — или жить в мастерской, где еще холоднее, чем на лодке, и завелись тараканы (не такие, как в моем детстве, а какие-то новые, с черным оттенком) или снять хату на те бабки, что у меня остались (может, хватит только на комнату, надо прикинуть). Главное — это то, что придется жить на горе, далеко от реки, а здесь я — рядом, здесь — рядом Волга, течет и ответа не требует. Не вовремя приперлась эта девчонка с синим пучком на башке. Ты уж или все волосы крась или вообще не крась. А то вымазала пучок синим — и что дальше? Еще этот салатовый чемодан. Кто вообще покупает чемодан такого, блин, цвета? (Да я бы вообще спросила: кто их производит?) В спальнике стало совсем жарко, и я спустила его до пояса. Уже светло, надо собирать вещи, скоро девчонка припрется и выгонит меня отсюда. Что ей делать одной на этой яхте? Что она задумала? Понятия не имею, как люди воспитывают детей, но ее точно никто не воспитывал. Шастает ночами по портам, хамит и тратит деньги на салатовые чемоданы. Как она дальше-то жить будет? Хотя, как дальше жить, я тоже понятия не имею.

Чтобы собрать вещи быстро, нужно знать, что тебе нужно. С одеждой более менее понятно — хватай все, что теплее рубашки, — а вот с вещами сложнее. Турку для кофе взять — это само собой. Брать ли все эти бесконечные глиняные фигурки, которые я делала, когда нечем было занять руки? Радиоприемник определенно нужно взять (мне не нравятся, как голоса звучат из других приемников). Жратву я на гору не попрю, пусть эта девчонка ей хоть весь свой салатовый чемодан набьет. Хотя вряд ли она будет жрать бэпешки, лук, сало, сушеную рыбу и булгур (смотри-ка, я успела обжечь эту лодку, как дом!) Понаставила всего, что теперь хоть грузовик вызывай — лишь ему под силу поднять сие барахло на гору. Я все это не дотащу, у меня только рюкзак и одна большая сумка. Заныкаю по углам и заберу потом, когда синий пучок свалит отсюда. Но турку я все-таки заберу — мне ее в Греции подарил жилистый рыбак, с которым мы в море ходили (или не только в море?), такие вещи оставлять без присмотра нельзя.

Когда все было собрано, я вышла из каюты с чашкой кофе. Волга была спокойная, как будто ничего и не произошло. В принципе, у нее-то и не произошло, все случилось у меня. В реке меня всегда радовала ее способность продолжать движение, не смотря ни на что — против природы не попрешь. Когда живешь на реке, вписываешься в ее ритм, а свой уже и не слышишь (впрочем, может, ее ритм и твой — один и тот же, особенно после двух бутылок нефilterованного). На горе все по-другому. На горе думают, что могут остановить реку или повернуть ее, если понадобится. Но так не бывает — даже если поначалу кажется, что река затихла, она все равно вернется и зашумит. Ничего нет знакомее этого звука, ничего нет непонятнее и ближе. Если простою тут еще полчаса, то покроюсь, блин, водорослями и песком, пора сваливать.

— Привет матросам! — Ромка с соседней парусно-моторной яхты возился с дверью каюты. Он приходит сюда каждый день: сначала с тренером, теперь научился и справляется один. Учится, чтобы права на маломерки получить. — На работу?

- Насовсем. Яхту сняли, придется валить.
- Кто снял?

К причалу подъехала «Нива», из которой вышел усатый таксист. Он достал из багажника салатовый чемодан и протянул его той самой девчонке.

— Она.

Ромка смотрел, как синий пучок тащит чемодан к яхте, закутываясь в белую легкую куртку с большими серыми пятнами, которые она, по-видимому, получила, выбираясь из грязного такси.

- Не подходит ей эта лодка.
- Я бы сказала, ей ничего здесь не подходит.

Она буркнула под нос несколько слов, когда проходила мимо меня, и нырнула в каюту.

— Ключи, — сказала девчонка таким тоном, как будто ключи ей не нужны, но она знает, что в таких случаях вторые ключи надо забрать.

— Лови.

Она не смогла их поймать, и ключи упали. Несколько секунд наши взгляды боролись за право не нагибаться за ключами, пока девчонка не подняла их. Ромка посмеялся над нами и спустился в свою каюту.

- Объяснишь, как тут все работает?
- Здесь половина уже не работает, но тебе хватит.
- Цикорий смогу заварить?
- Какой нахрен цикорий? Тебе что — сто лет?
- На фото все это выглядело по-другому.

Я объяснила ей, для чего нужны все кнопки, как работает плитка, как глючит обогреватель, куда втыкать чайник и как обслуживать туалет.

- А вода здесь есть?
- Двести пятьдесят литров.
- Значит, душ могу принять?
- Сломался.
- И как же вы?
- В мастерской у себя моюсь.
- Мастерской?
- Гончарной. Сувениры, посуда, другое такое дело. Туристы любят забираться на гору и наполнять свои рюкзаки всяким барахлом.

Она посмотрела на мои грязные волосы и снова заглянула в душ.

- Но душ ведь можно починить?
- Попробуй.

Девчонка открыла шторку иллюминатора и рассматривала окрестности.

— Здесь есть тот, кто чинит? Я бы заплатила.

— Здесь есть Ромка, — он как раз появился снаружи. — Может, он разрешит тебе принимать душ у него. Ну, или отремонтит твой.

Она закрыла шторку и села на кровать, наблюдая, как я убираю радио в сумку.

— Ты что — и радио забираешь?

— Это мой приемник, не хозяина.

— А как здесь вообще? Охрана есть?

— На въезде в порт стоит будка какая-то.

— Ну, пока ты тут жила, никто к тебе не лез?

— Стучался как-то алкаш один, День военно-морского флота предлагал отметить. А, да, был еще упырь, который пытался сфотать на лодке свою деваху в тельняхе. Среда бела дня заперлись сюда, оба — бухие в ноль, еле выперла. Так иногда, по ночам шарится кто-то, ничего особенного.

— А этот парень — как его? — она показала за шторку. — Он ночует здесь?

— Ромка? Неа. Днем тут, а по вечерам курьером работает. Жратву доставляет.

— То есть, здесь в порту вообще никто на ночь не остается?

— Бывает, остается кто-то, но это больше летом — сейчас холодно.

Теперь девчонка задернула шторы и включила свет.

— Если электрика барахлить будет, там в шкафу свечка есть. Обогреватель глючит, но жить можно. Бывай.

Сумки были тяжелые, но не настолько, чтобы тянуть меня назад. Постукивая по ляжкам, они уравнивали походку, как буи, а рюкзак держал спину. Жить надо так, чтобы все твое могло уместиться в двух сумках (ну, ладно, еще и в одном рюкзаке). Вот она — жизнь — вся на мне, нестираная, потертая, а где-то уже и неисправная, как планшет, который то фурычит, то нет.

Я ждала такси, сидя на бетонном бортике, который волны Волги пытались бить каждый раз с еще большей надеждой. Река никогда не теряет надежды, даже если замерзает на зиму. Она-то знает, что весной зальет все вокруг и продолжит движение. Завядший сырок «Янтарь», на который я наткнулась в рюкзаке, был вполне съедобным. Грязную половину, торчавшую из порванной упаковки, кинула хмурой чайке, остальное умяла сама. Сыр она есть не стала, только подергала его клювом, сделала еще несколько кругов вокруг меня и улетела. «Янтарь» вконец почернел и был похожим на один из валяющихся у реки камней. Откуда-то вдруг запела Дженис Джоплин. Где она? (Чайки умеют петь ее голосом?) Радио само включилось в сумке, я забыла вынуть батарейки. Ее медленный голос был полон чего-то непрожитого и большого. Того, что в горле не помещалось. Однако оно не текло через край, а держалось внутри, держалось наплаву и чуть слышно растекалось по берегу реки, бетону, грязному сыру, холодной воде и выбеленным утренним светом лодкам.

Таксист убрал мои сумки в багажник белой «Тойоты», а я не стала выключать радио. В нос втошнил запах елки-ароматизатора, висевшей в салоне на зеркале заднего вида.

— Открою окно?

— Холодно, — буркнул таксист.

— Шеф, блевану сейчас от этой елки, честное слово!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.